

ОСУЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

Глава 1

Он и сам не знал, почему дал согласие на эту поездку. Может быть, ему просто не хотелось отказывать Шаталову, с которым они были знакомы столько лет. Может, потому, что ему было интересно проверить себя еще раз, определив свои возможности. А может, он просто ждал именно такого случая, такого шанса, который выпадает не так часто в жизни. Так или иначе, но события этой поездки надолго остались в памяти.

Тенгизу Абуладзе шел шестьдесят второй год. Бывший полковник военной разведки, он получал, как и все военные пенсионеры, достаточную пенсию, чтобы не умереть с голода, и совсем недостаточную, чтобы позволить себе сносное существование. Его супруга продолжала

читать лекции в институте, несмотря на свой преклонный возраст. А он здоровый, полный сил человек, вынужденный сидеть на диване перед телевизором или иногда спускаться во двор, чтобы посудачить о действиях политиков со своими сверстниками-пенсионерами, изнывал от безделья и скуки.

Дети уже давно определились в жизни и имели собственные семьи. Они были вполне самостоятельными людьми, так что и соображения чисто материального плана его не угнетали. Впрочем, было немного стыдно, что, дожив до такого возраста, он не сумел заработать на приличную жизнь себе и жене. Все его ордена и медали пылились в шкафу, и он ни разу не прикоснулся к ним за последние несколько лет, не испытывая желания достать свои заслуженные награды или хотя бы взглянуть на них. Бывший начальник аналитического управления военной разведки, он вышел на пенсию в девяносто первом, узнав о подписании Беловежских соглашений. Уже до этого, еще в апреле восьмидесят девятого, он подал свой первый рапорт, когда узнал о кровавых столкновениях демонстрантов с армейскими частями в его родном Тбилиси. Абуладзе был советским офицером по роду своей службы, но он был грузином не по национальности, а в душе.

В девяносто втором, уже в новой стране, ему предложили работу в контрразведке. Но он отказался — не было ни сил, ни желания. После гражданской войны в Грузии, которая так страшно разодрала пополам грузинский народ, подняв брата против брата, после еще более страшной войны в Абхазии, где соседи и родственники убивали друг друга с каким-то сладостным упоением, что-то сломалось в душе полковника Абуладзе. Он стал меланхоличным, начал поправляться, стал меньше двигаться, словно намеревался так и закончить свою жизнь на диване. Лишь однажды он поднялся с этого дивана, когда ему позвонили от генерала Лодынина и попросили приехать в Министерство обороны. Тогда, несколько лет назад, речь шла о террористах, совершивших нападение на колонну, перевозившую капсулы с оружием, подлежащим уничтожению. Именно тогда Абуладзе первый и последний раз после своей отставки побывал в министерстве. И даже полетел с террористами в самолете, решившись на такой неслыханный акт самопожертвования. К счастью, все закончилось относительно благополучно, если не считать самого полковника, который после этого случая стал еще более мрачным, еще более неразговорчивым и еще более замкнутым человеком. За эти годы он окончательно располнел, появился сначала второй, по-

том третий и четвертый подбородки. Мясистые щеки поползли вниз, у глаз появились морщины. Он физически чувствовал, как стареет, но относился к этому достаточно спокойно, сознавая, что нельзя избежать неизбежного.

Несколько дней назад ему позвонил Шаталов, который был не просто другом полковника. Много лет назад Шаталов спас жизнь Абуладзе, предотвратив автомобильную аварию, которую полковнику решили подстроить в одной далекой африканской стране. С тех пор Тенгиз считал его своим кровным братом. Шаталов, так же как и он сам, вышел на пенсию, но не усидел дома, а, получив предложение возглавить службу безопасности в очень крупном банке, сразу же дал согласие. Когда позвонил друг, Абуладзе сидел на полу, помогая внуку собирать из конструктора замысловатую игрушку.

— Тебя к телефону! — закричала жена.

— Принеси мне трубку, — попросил Абуладзе, не поднимая головы.

Собственно, с этого все и началось. Услышав характерный хрипловатый голос друга, он улыбнулся. Завтра был выходной, и они могли съездить на дачу вместе.

— Здравствуй, дорогой, — обрадовался Абуладзе, — я целую неделю тебя найти не мог. Два раза на работу звонил. Ты где пропадаешь?

— Почти на курорте. Ты лучше скажи, как у тебя дела?

— Все нормально. Думал позвать тебя завтра на дачу.

— Это в следующий раз, — ответил Шаталов, — ты мне лучше скажи, как ты себя чувствуешь. Спина не болит?

— Пока не болит, боится меня разозлить, — пошутил Абуладзе. — Месяц назад ревматизм схватил так, что не мог даже разогнуться.

— Это мне знакомо, — ответил Шаталов, — я думаю, что мы простудились в Польше, в восьмидесятом. Помнишь, когда мы всю ночь сидели в бункере командующего дивизией? Да, как молоды мы были...

Он помнил. В конце восьмидесятого Польшу наводнили сотрудники военной разведки и КГБ. Seriously рассматривался вопрос о вводе советских войск в страну в качестве противостояния польской «Солидарности». Но вопреки расхожему мнению именно часть советского руководства была против такого варианта развития событий. Ситуацию разрядил мужественный поступок генерала Ярузельского, который ввел военное положение в стране и этим предотвратил ввод танков союзников.

— Ты позвонил, чтобы вспомнить только про это? — усмехнулся Абуладзе, делая внуку жест

рукой, мол, подожди. — Не тяни резину, говори, что случилось.

— С тобой невозможно разговаривать, — засмеялся Шаталов, — сразу начинаешь давить на человека.

— Я на тебя не давлю. Но если ты звонишь в субботу утром и вспоминаешь про Польшу, значит, у тебя есть какое-то конкретное дело. Только учти, я давно на пенсии. С трудом двигаюсь даже по собственной квартире.

— Ладно, ладно. Ты еще у нас молодой и крепкий. Слушай, сможешь сейчас приехать ко мне?

— Домой?!

— Ну да. Я пошлю за тобой машину.

— А почему ты дома в субботу? Ты ведь всегда по субботам выходил на работу.

— Немного плохо себя чувствую, — уклонился от прямого ответа Шаталов.

— Чего ж не говоришь, — сразу поднялся Абуладзе, — не нужно никакой машины. Сейчас приеду.

Через полчаса он сидел в комнате друга, лежащего в постели.

— Ты почему мне ничего не сказал? — злился Абуладзе, поглядывая на жену Шаталова. Аркадия Леонидовна укоризненно качала головой, стоя рядом с постелью мужа. Это была маленькая худенькая женщина, очень сдержанная, ни-

когда не позволявшая эмоциям выплескиваться наружу. Ровесница мужа, они познакомились еще в школе и поженились, когда им не было двадцати. С тех пор супруги никогда не расставались.

— Он запретил мне говорить даже друзьям. И на работе ничего не сказал, хотя врачи категорически настаивают на постельном режиме.

— Так что случилось?

— Сердце. На работе случился приступ стенокардии. Врач уверяет, что еще повезло, мог быть обширный инфаркт. Вот сейчас заставила его лежать в постели.

— Ладно, ладно, — отмахнулся муж, — ничего страшного не случилось. Просто малость прихватило сердце. Ты иди лучше чайку принеси со своим знаменитым вареньем. Тенгиз его любит. А мы поговорим.

— Только не вставай, — погрозила жена пальцем, выходя из комнаты.

— Тебе действительно нужно лежать, — сказал Абуладзе.

— Какой сейчас отдых, — приподнявшись, сел на кровати Шаталов. — Мне нужно с тобой поговорить, Тенгиз. Так получилось, что только ты можешь мне помочь. Только сначала подумай, хорошенько подумай, а потом решай. Если откажешь, я все пойму, обижаться не буду. И не

вздумай играть в благородство, это не тот случай. Мне нужен только честный ответ.

— Ты сначала скажи, о чем речь, — рассудительно заметил Абуладзе, — а уж потом я решу, как поступить. Что произошло, Коля?

— Дело, Тенгиз, очень серьезное. Я долго думал, прежде чем к тебе обратиться. Мне, конечно, не хочется втягивать тебя в эту историю, но ты единственный, кто...

— Не тяни, Коля, говори наконец, что стряслось.

— Ты знаешь нашего президента банка?

— Батуева? Лично не знаю, но много слышал. Говорят, весьма колоритный тип. Иногда читаю про него в газетах. Некоторые журналисты его хвалят, другие, наоборот, ругают.

— Это смотря какая газета, — улыбнулся Шаталов, — но дело не в журналистах. Последнее время он стал получать угрожающие записки. Кто-то присылает ему в конверте сообщения о его скорой смерти. Обычно на листке бумаги наклеивают буквы из газетных статей. Мы проверяли, все три раза использовали разные газеты. И письма отправляли с разных мест.

— Что было в письмах?

— Текст один и тот же. Все три раза: «Смерть придет к тебе». Одна и та же фраза. Но согласись, что на человека она действует убийственно.

— Можно относиться к этому и философски, — заметил Абуладзе, — в конце концов смерть придет к каждому из нас.

— Но когда такое письмо получает банкир, можешь представить, как он начинает психовать. После первого письма мы не могли его успокоить, после второго у него был нервный срыв. После третьего он удвоил свою личную охрану. Мы обращались в ФСБ, но они посоветовали нам самим заниматься вопросами личной охраны банкиров. Ты можешь себе представить, как они там ненавидят всех банкиров! У нас в ФСБ считают, что не нужно охранять бомжей и банкиров. Первых потому, что они никому не нужны. А вторых потому, что и сами могут позаботиться о своей охране. Смешно?

— Не очень.

— Я тоже так думаю. Для них все банкиры паразиты, которых нужно отстреливать.

— У него большая личная охрана?

— Хватает. Человек двадцать. Что они могут сделать? Ты знаешь, кто работает обычно в личной охране. Натренированные мускулистые тела без головы. Бей, беги. Хотя начальник охраны Саша Мошерский парень толковый. Бывший сотрудник уголовного розыска. Он придумал трюк с машинами, когда пять джипов одновременно въезжают во двор банка и сам